

— Да, — прохрипел Вэнь Цяньхэ, глядя в упор покрасневшими глазами. — Именно так.

В тесном, замкнутом пространстве салона их прерывистое дыхание казалось оглушительным.

Чжоу Тинъюнь вцепился в его подбородок. Пальцы дрожали от яростного напряжения — казалось, еще секунда, и он раздробит кость.

— Сам это сказал, — прошипел он, не сводя с него бешеного взгляда. — Смотри не пожалей!

Не дав договорить, он рывком притянул Цяньхэ к себе. Он скользнул рукой от плеча вниз, грубо сминая одежду. Вэнь Цяньхэ застыл, скованный страхом и яростью; он весь окаменел.

Посыпались поцелуи — хаотичные, пропитанные насилием. Тинъюнь вгрызался в его губы, лицо, шею. Но стоило ему опустить руку к самому основанию позвоночника, подбираясь к запретному пределу, как Вэнь Цяньхэ резко вскинул голову и мертвой хваткой вцепился зубами в плечо Чжоу Тинъюня.

Тот глухо застонал, но не прекратил своих бесчинств. И тогда Цяньхэ сжал челюсти еще сильнее.

Во рту мгновенно разлился металлический привкус — он прокусил кожу, и теплая кровь брызнула на язык. Вэнь Цяньхэ зажмурился, продолжая терзать плоть. Его зубы всегда были острее и крепче, чем у обычных людей. Он вспомнил, как в детстве точно так же вцепился в мальчишку, оскорбившего его родителей. Тот тогда угодил в больницу.

Тинъюнь почти перестал чувствовать боль — плечо онемело, лишь по нервам пробегали судорожные разряды. Он попытался оттолкнуть голову Цяньхэ, но тот не поддавался.

Если так пойдет и дальше, он останется калекой. Тинъюнь перехватил Вэнь Цяньхэ за горло и с силой сжал. В тишине отчетливо хрустнули шейные позвонки.

Этот поединок зашел в тупик: один мог стать инвалидом, другой — трупом.

Вэнь Цяньхэ, который всю жизнь отчаянно цеплялся за любую возможность выжить, сдался первым. Он разжал челюсти.

Только тогда Тинъюнь ощутил всю чудовищную силу боли. Развороченное плечо отозвалось невыносимой резью, и вспышка гнева ослепила его.

— Вэнь Цяньхэ, ты вытравил из меня всё чертово терпение!

Цяньхэ задыхался. В ушах звенело, перед глазами плыли круги. Инстинкт самосохранения кричал, что нужно бить в ответ, иначе — смерть. Шаря рукой по салону, он наткнулся на тяжелый стеклянный стакан в дверном кармане. Не раздумывая, Цяньхэ замахнулся, но из-за того, что горло всё еще было зажато в тиски, удар вышел смазанным — стекло угодило Тинъюню по затылку.

Чжоу Тинъюнь на миг онемел от удара. Он ослабил хватку и тут же перехватил руку Цяньхэ, готовящуюся к новому замаху.

Вэнь Цяньхэ судорожно закашлялся, жадно глотая воздух. Тинъюнь сидел над ним, тяжело дыша, и молча смотрел в упор.

Воздух в машине стал густым от невысказанной угрозы.

Если бы Тинъюнь кричал или бесновался, это было бы полбеды — ну, побил бы, с кем не бывает. Но это ледяное молчание предвещало конец.

Вэнь Цяньхэ стало по-настоящему страшно. Он и раньше побаивался Тинъюня, но сейчас этот страх стал осязаемым, ледяным комом в желудке.

Он окончательно разъярил зверя.

Тинъюнь внезапно выкрутил ему руку. Раздался сухой щелчок — сустав вышел из паза. Стакан оказался в руках Чжоу. Глухой удар — и боковое стекло разлетелось вдребезги. Стеклянный снаряд улетел куда-то в темноту.

Цяньхэ, не обращая внимания на боль в вывихнутой руке, попытался отползти.левой рукой он нащупал дверную ручку, надеясь выскочить наружу, даже рискнул ударить Тинъюня ногой, чтобы отвлечь...

Но двери были заблокированы, а Тинъюнь тут же перехватил его за ногу.

Выхода не было. Тупик. Последние силы и крупницы мужества иссякли — он истратил всё без остатка.

Вэнь Цяньхэ честно пытался заставить себя лечь под него в последний раз, но нутро протестовало. Он не мог переступить через себя, не мог превратиться в безвольную куклу. Перед Тинъюнем он и так уже потерял всё: гордость, достоинство, чувства. Теперь оставалось потерять только жизнь.

Этот человек был его кошмаром — пугающим, вездесущим, неизбежным.

Тинъюнь рывком прижал его к дверце. От удара остатки разбитого стекла посыпались на лицо и шею Цяньхэ.

— Я добавлю тебя, Чжоу Тинъюнь... добавлю. Я больше никогда тебя не удалю. Клянусь.

Вэнь Цяньхэ откинул голову, глядя сквозь разбитое окно на сияющую в небе луну. В его голосе звенело беспросветное отчаяние.

Что может быть важнее жизни?

Он закрыл глаза. Свет луны казался ему слишком ярким, невыносимо чистым.

Тинъюнь внезапно осознал, что потерял контроль. Хотел ли он убить его? Ведь он всего лишь пришел спросить, почему тот его заблокировал. Как простая просьба превратилась в эту кровавую бойню?

Впервые в жизни он почувствовал укол вины — жгучее раскаяние от того, что едва не уничтожил человека, которого любил.

Он осторожно смахнул осколки стекла с шеи Цяньхэ, притянул его, полуодетого, к себе и крепко обнял. Кожа к коже — ледяной холод сменился общим теплом.

— Сразу бы так, — прошептал он с неожиданной нежностью, вглядываясь в измученное лицо.

На шее Цяньхэ багровели отчетливые следы от пальцев, правое запястье заметно опухло.

— Едем в больницу.

Тинъюнь отпустил его, быстро оделся и перебрался на водительское сиденье.

— Одевайся, — бросил он, включая кондиционер, чтобы согреть салон.

Вэнь Цяньхэ нащупал одежду, но первым делом вытащил из кармана телефон.левой рукой он с трудом разблокировал экран. Датчик отпечатка на старом аппарате барахлил, поэтому пришлось дрожащими пальцами вводить пароль.

Он вывел номер Чжоу Тинъюня из черного списка, закрепил контакт в топе, зашел в мессенджер и по памяти вбил ID. Отправил запрос.

— Готово. Принимай.

Тинъюнь не ответил. Он не притронулся к телефону, глядя в зеркало заднего вида.

— Ты... плачешь? — негромко спросил он.

Всхлип можно было принять за одышку, но слезы, блестящие в отражении, не оставляли сомнений. Чжоу резко затормозил у обочины и снова полез назад.

Вэнь Цяньхэ сжался в комок, забиваясь в угол сиденья.

— Чжоу Тинъюнь, мне страшно. Мне правда очень страшно. Я не понимаю, чего тебе от меня нужно. Если тебе просто хочется трахаться, я тебе не пара. Мы же встречались, ты сам знаешь: я скучный, нудный, в постели — бревно, стонать не умею, поз не знаю, ублажать тебя не умею. Я не умею говорить красиво, только и спрашиваю целыми днями: «Ты поел?» да «Как дела?». Во мне нет ничего, что могло бы тебя привлечь. Если всё-таки есть — заberi это, я сам отдам, только оставь меня в покое, ладно?

Он не хотел плакать. С детства знал: слезы — это дешёвка, они ничего не стоят и ничего не меняют. Но сейчас они текли сами собой, смешиваясь с кровью от царапин.

— Я просто нищий студент. Ты и представить не можешь, что такое настоящая нужда. Я с малых лет гнул спину, потому что коромысло было слишком тяжёлым, а ведра — неподъёмными. Эта беспросветная жизнь чуть отступила лишь в девять лет, когда я пошел в школу. В книгах я увидел свет. Я поверил, что учеба — мой единственный шанс изменить судьбу. Я прыгал через классы, я не смел остановиться ни на секунду. У меня не было времени на любовь, я даже на девчонок не смотрел.

— Те отношения с тобой... они выпили из меня всё. Потому что я поставил на карту всё, что у меня было.

— Мне страшно, потому что у меня больше ничего не осталось.

— Чжоу Тинъюнь, я так надрывался над учебниками не для того, чтобы оказаться здесь с тобой. Я просто хотел изменить свою жизнь.

Тинъюнь молча помогал ему одеваться, вслушиваясь в каждое слово.

— Ты родился с золотой ложкой во рту. У тебя есть всё. Зачем ты вцепился в того, у кого нет ничего? Почему мы не можем разойтись по-хорошему? Мы могли бы остаться друзьями, я бы слова тебе не сказал в упрек...

Тинъюнь посмотрел ему в глаза, сглотнув ком в горле.

— Есть. В тебе есть то, что мне нужно. Отдашь мне это — и я тебя отпущу. Тогда и разойдемся миром.

Вэнь Цяньхэ ухватился за эти слова, как утопающий за соломку:

— Что именно?

Тинъюнь криво усмехнулся:

— Скажу — не поверишь.

— Поверю. Говори.

Всё что угодно, лишь бы не жизнь.

Тинъюнь помедлил. Сама мысль казалась ему дикой, абсурдной, но он должен был ее озвучить.

— Цяньхэ, ты мне очень нравишься. По-настоящему. Я никогда никого так не любил. Ты не обычный. Ты особенный — такой, что один раз увидишь и больше не забудешь. Мне кажется, я поступил в этот университет только ради того, чтобы встретить тебя.

Блеск в глазах Вэнь Цяньхэ мгновенно потух. Он равнодушно вытер лицо рукавом.

— Поехали в больницу.

За время их романа он слышал от Тинъюня столько нежностей, что эти слова показались ему самыми блеклыми. Кто знает, скольким любовникам Чжоу шептал то же самое в порыве страсти? Наверняка счет шел на десятки.

— Цяньхэ, давай начнем сначала. Я удалил всех парней из контактов, можешь сам проверить. Я уже месяц ни с кем не спал, потому что никто не сравнится с тобой. Мне нужен только ты. Если не хочешь любви сейчас — я не стану давить. Будем просто друзьями. Только не отталкивай меня, не ненавидь. А за сегодня... я правда хотел просто попросить тебя вернуть меня в друзья. Я не собирался причинять тебе боль, но сорвался. Прости меня. Пожалуйста.

— Цяньхэ, ты мне правда очень дорог.

— Цяньхэ...